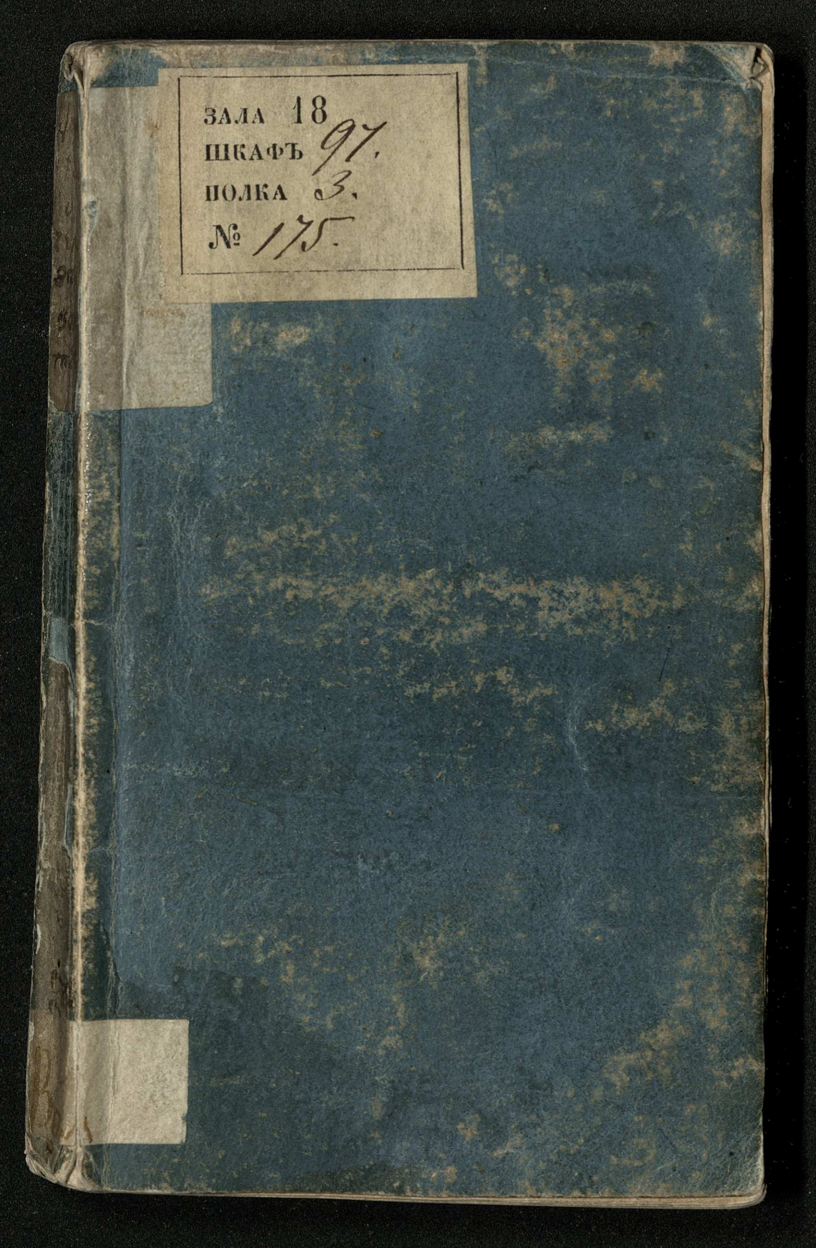
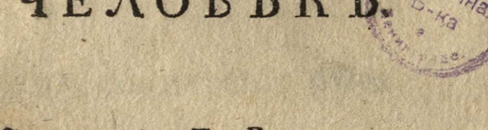

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ РѢЧИ

О

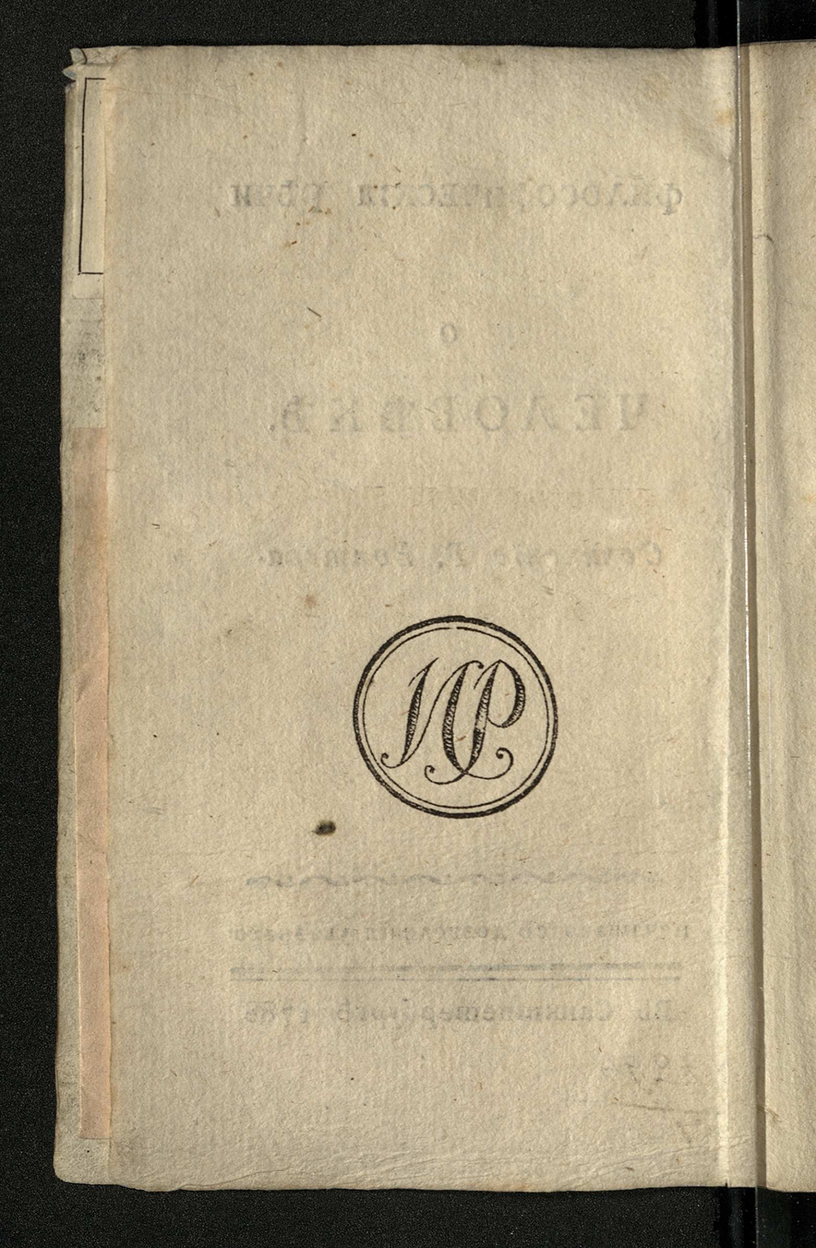

ЧЕЛОВѢКѢ.

Сочиненіе Г. Волтера.

Печатано съ дозволенія указнаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1788

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ РѢЧИ

О

ЧЕЛОВѢКѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

❦ ❦

* * *

Въ сихъ шести рѣчахъ заключается слѣдующее:

Въ первой доказывается: равѣнство состояніи человѣческихъ; т: е: что во всякомъ состояніи есть и щастіе и нещастіе, и потому всѣ состоянія суть равны.

Во второй: что человѣкъ воленъ и что самъ можетъ учинить себя блаженнымъ.

Въ третей: что наивеличайшее препятствіе чело-

вѣческому благополучїю есть зависть.

Въ четвертой: что человѣку для доставленїя себѣ щастїя надлежитъ быть во всемъ умѣренну.

Въ пятой: что человѣкъ не можетъ наслаждаться въ семъ свѣтѣ совершеннѣйшимъ блаженствомъ и что онъ не долженъ жаловаться на свое состоянїе.

Въ шестой: что добродѣтель состоитъ въ оказанїи благодѣянїя себѣ подобнымъ, а не въ суст-

ныхъ знакахъ ложной набожности

Три первыя рѣчи сочинены въ 1734; а три последнія въ 1737 году.

РѢЧЬ ПЕРВАЯ.

О равенствѣ человѣческомъ.

Ты взираешъ безпристрастнымъ окомъ, премудрый *Аристонъ*! на величество Тирановъ и на пышное богатство; очи твои ложнымъ сіяніемъ прельститься не могутъ. Сей свѣтъ подобенъ великому позорищу, на которомъ безумцы прикрытые смѣшными именами высокихъ титлъ,

думаютъ надуть бытїе свое и возвысить свое ничтожество. Тщетно прельщаемся мы пышностїю и суетами. Всѣ смертные суть равны, а только одежды ихъ различаютъ. Дарованныя намъ природою пять чувствъ суть и благъ и бѣдъ нашихъ единыя мѣры. И самые Государи имѣютъ ли ихъ болѣе? Душа и тѣло ихъ другаго ли свойства и отмѣнные ли отъ нашихъ имѣютъ они члены? Всѣ мы отъ единой земли начало

свое воспрїяли ; юность Царей таковымъ же подвержена слабостямъ , какъ и ихъ рабовъ: и богатый, и убогїй, и слабый, и сильный; всѣ равно подвержены болѣзнямъ и смерти.

Возможно ли ! на сїе скажутъ мнѣ; въ какомъ ты превеликомъ заблужденїи ? Не уже ли небо всѣхъ смертныхъ равными между собою сотворило , и развѣ одно состоянїе не бываетъ щастливѣе другаго ? Жена низкаго мѣщанина, согбенная

подъ тягостною работою, можетъ ли равняться съ Принцесою сѣдящею возлѣ трона? Всякій монахъ не пожелаетъ ли лучше быть Архіереемъ, и не гораздо ли щасливѣе состояніе Президента нежели писца многочисленными дѣлами отягощеннаго? Нѣтъ: Богъ былъ бы несправедливъ; премудрая природа въ разсужденіи даровъ своихъ болѣе сохряяетъ мѣры. Не думаютъ ли смертные, что на семъ свѣтѣ слѣпая ее благосклон-

ность къ колесницѣ случая присоединяетъ щастïе? Часто младый полковникъ имѣетъ безстыдство превосходить въ забавахъ и самаго Фельдъ-Маршала. Говорится простонародная пословица: *быть щастливымъ какъ Король*; но увы! простой народъ того не понимаетъ, что и самое величество Государя не можетъ доставить совершеннаго благополучïя. Монархъ тщетно полагается на власть свою; и онъ часто стенаетъ и

скучаетъ своею жизнїю; а наперстнихъ его едва удостоиваетъ меня единымъ своимъ взоромъ. Ты о человѣкъ составленный изъ бренности и тщеславїя, чувствующїй ко всему отвращенїе и терзаемый жестокою завистїю! ты, коего попеременно то лѣстно похваляютъ, то злословятъ, скажи: какую пользу приобрѣлъ ты въ комнатѣ твоего Государя? Никакой кромѣ того, что ты имѣешь болѣе льстецовъ и враговъ, нежели я.

Нѣкогда на высокой Обсерваторіи любопытная куча Уранійныхъ чадъ, вопрошая свою небесную книгу, сквозь стофутовую трубу къ небесамъ устремленную, разсматривали таинства обращенія небесныхъ планетъ; что увидя одинъ мужикъ вскричалъ: „ Пусть сіи волшебники дѣлаютъ что „ хотятъ; но звѣзды равно „ сотворены какъ для нихъ, „ такъ и для насъ. „ То же самое можно сказать и о таинствѣ быть щастли-

вымъ. И самый простякъ будучи по природѣ своей одаренъ человѣческимъ разумомъ, хотябы былъ воспитанъ въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ, также можетъ приобрести щастїе, какъ и тотъ важный безумецъ думающїй имъ обладать, и тотъ угрюмый мудрецъ думающїй его описывать.

Говорятъ, что прежде коробки принесенной къ *Пандорѣ* мы всѣ были между собою равны; да мы и теперь таковы же. Единое и совер-

шенное доказательство нашего равенства есть то, Что всѣ мы имѣемъ однакое право къ благополучїю. Видишь ли ты въ сихъ долинахъ тѣхъ полевыхъ работниковъ, раскапывающихъ горы, рубящихъ лѣсъ, отвращающихъ теченїе водъ, и кои съ заступомъ въ рукахъ раздирая нѣдро земли, чинятъ ее плодоносною? Они не такъ веселы, какъ тѣ любовные пастухи которыхъ воспѣвалъ *Фонтенеллъ.* Тутъ не находится

ни *Тимаретты* ни нѣжнаго *Тирсиса* увѣнчанныхъ розами, сѣдящихъ подъ миртами, вырѣзывающихъ свои имена на дубовыхъ коркахъ и разумно превозносящихъ веселїя и труды свои. Но здѣсь *Пїеротъ*, *Колинъ*, коего сильная рука подъемлетъ возъ опрокинутый въ тинистый ровъ; лишь только разсвѣнетъ день, *Перетта* первая выходитъ въ полѣ. Я вижу ихъ покрытыхъ пылью и отъ усталости едва дышащихъ, презирающихъ въ сихъ еже-

дневныхъ трудахъ и жестокіи хладъ зимы и безмѣрный жаръ лѣта. При всемъ томъ забавляются они пѣніемъ; ихъ грубый мужицкій голосъ напѣваетъ какую нибудь старинную деревенскую пѣсенку; а спокойствіе духа, сладкій сонъ, сила и здравіе, суть плоды бѣдности и трудовъ ихъ. Ежели бы сей *Колинъ* увидѣлъ когда Парижъ, то разные удивительные предметы и происходящій въ немъ непрестанный шумъ ни-

мало не тронули бы его сердца, а лишь только заглушили бы его уши. Онъ не желаетъ сихъ безпокойныхъ увеселенiи; да онъ ихъ и не понимаетъ, а сожалѣетъ о своихъ щастливыхъ поляхъ, куда любовь его призываетъ: и между тѣмъ, какъ *Дамисъ* перебѣгая отъ одной красавицы къ другой и обитая въ богато убранныхъ комнатахъ по различности временъ располагаетъ своими приключенiями, будучи обманутъ своею лю-

бовницею и ненавидимъ своею женою, многимъ красавицамъ вдругъ обьявляетъ свою любовь и надѣляетъ ихъ своими пѣсенками, оставляетъ *Еглею*, которая его любила, для *Кларисы*, которая отъ него убѣгаетъ, и почитаетъ за веселїе соблазнъ и беспокойство; сильный *Колинъ* при наступленїи новой вѣсны прилѣтаетъ къ своей *Лизетѣ* сохраняя непоколебимую къ ней вѣрность; онъ препроводивъ безъ нее при мѣ-

сяца въ печали и скукѣ, пришедъ наконецъ подноситъ ей самые простые дары. Онъ не можетъ ей подарить тѣхъ богатыхъ безделокъ, которые *Гебертъ* въ Парижѣ продаетъ въ долгъ, для обольщенія ими толико красавицъ. Въ сихъ блистательныхъ безделкахъ онъ совсемъ не имѣетъ нужды потому, что и безъ нихъ можетъ плѣнить сердце. Вотъ изображеніе истиннаго щастія.

Гордый и быстрый орелъ съ разпростертыми крилами парящій превыше облаковъ и слѣдующій за предмѣтомъ своей горячности ; гуляющій по травѣ и ревущій волъ въ тѣнистой долинѣ; ищущій своей телицы; при возвращеніи вѣсны нѣжная *Филомела*, пѣніемъ своимъ трогающая сердце вѣрной своей подруги; и изъ глубины кустарниковъ вылѣтающая легкая муха, съ журчаніемъ смѣшивающаяся съ другими воздушными весѣ-

комыми : всѣ они будучи состоянїемъ своимъ довольны, безпокоятся ли о томъ, есть ли какой другой родъ совершеннѣе , или несовершеннѣе ихъ ? *И* въ самомъ дѣлѣ , какая мнѣ нужда , при вкушенїи настоящаго веселїя, помышлять о томъ: есть ли на свѣтѣ другїе люди щастливѣе меня , которые наслаждаются лучшимъ , нежели я, блаженствомъ ?

Но возможно ли сего нещастнаго смертнаго , сего

страшнаго предмѣта народной жалости, сего живаго трупа влекущаго нещастные остатки образа человѣча, едва дышущаго и претерпѣвающаго несносныя скорьби, назвать щасливымъ человѣкомъ? Конечно нѣтъ; и *Томасъ* сверженный рабомъ своимъ со престола, и сей Визирь лишенный своего мѣста, и Вельможа заключенный въ темницу, весело ли въ оковахъ провождаютъ дни свои? Всякое состоянїе имѣетъ свои зло-

ключенія и всякій человѣкъ имѣетъ свои премѣны. Естьли бы *Карлъ* не столь былъ дерзновененъ во время мира, но болѣе бы дѣйствовалъ во время войны, то безъ сомнѣнія могъ бы Англію удержать въ своемъ владѣніи; а ежели бы *Дюфрени* былъ постояннѣе и не столь расточителенъ, то не умеръ бы съ голоду, и не вкусилъ бы смерти достойной Автора. Наконецъ можно смѣло сказать, что всѣ состоянія на свѣтѣ равны; дворъ имѣетъ свои

затрудненія , церковь свои сраженія, война свои хитрости; часто и самое истинное достоинство бываетъ помраченно. Злополучія находится вездѣ; но и щастіе также; нещастіе и благополучіе не зависятъ ни отъ величества, ни отъ подлаго состоянія, ни отъ богатства, ни отъ бѣдности, ниже отъ старости и отъ молодости.

Въ древнія времена нѣкто бѣдный *Иръ* , претерпѣвая крайнюю нищету и взирая на *Крезовы* пышныя

богатства роптал҃ громко противу провидѣнія. Колико славы говорилъ онъ; колико сіянія! колико богатства! О коль *Крезъ* благополученъ! онъ имѣетъ все, а я ничего. Но въ то самое время, когда произносилъ онъ сіи слова, храбрыя войска съ неистовствомъ осадили Карійскаго Тирана въ собственныхъ его чертогахъ. Будучи оставленъ отъ подлыхъ своихъ льстецовъ хотѣлъ онъ спастись бѣгствомъ; но за нимъ погнались и нагнавъ

заключили его въ оковы; всѣ сокровища его были разграблены, наложницы похищены, и онъ оплакивая горестную свою судьбу, увидѣлъ сего бѣднаго *Ира*, который между толикимъ смятенїемъ нимало не помышляя о побѣжденныхъ, пилъ и веселился вмѣстѣ съ побѣдителями. О Юпитеръ! возопилъ *Крезъ*, о рокъ немилосердый! *Иръ* весьма щастливъ, я только одинъ нещастенъ. И такъ оба они завидуя другъ другу,

обманывались въ своихъ мнѣніяхъ; да мы и всѣ обманываемся. Ахъ! намъ никакъ не должно завидовать благополучїю нашего ближняго; но надлежитъ остерегаться отъ обольщенїя себя ложною наружностїю. Всѣ сердца человѣческїе сосокрыты; всякїй человѣкъ есть непроницаемая пучина. Радость скоро преходитъ и смѣхъ также весьма бываетъ обманчивъ.

Увы! Гдѣ же искать и гдѣ приобрести истинное

щастїе? Во всѣхъ мѣстахъ, во всѣ времена и во всей природѣ, ни гдѣ и никогда не было оно совершеннымъ; но по всюду каждый человѣкъ надѣленъ имъ умѣренно; по всюду оно скоропреходяще, кромѣ единаго своего Создателя. Оно подобно огню, котораго умѣренная теплота невидимо вливается во всѣ другїя стихїи, вкрадывается въ камни и воздымается въ облака; оно дѣлаетъ краснымъ ростущее въ морскихъ пескахъ

коральковое дерево и обитаетъ во льдахъ зимою ожесточенныхъ.

Небо сотворя насъ преисполнило нашу жизнь желанiями, омерзенiями, разумомъ, глупостiю, веселiемъ и мученiями. Вотъ каковыя суть стихiи нашего несовершеннаго существа! онѣ составляютъ всего человѣка и управляютъ его жизнiю; но Богъ всѣхъ насъ вѣситъ на единыхъ вѣсахъ своего правосудiя.

Рѣчь вторая.

о Вольности.

Здѣсь подъ словомъ вольность разумѣется власть дѣлать то, что захочешь; нѣтъ, да и не можетъ быть другой вольности. Для сего-то самаго Локъ весьма хорошо ее назвалъ могуществомъ, или самовластïемъ.

Естли въ теченïи нашихъ краткихъ дней ща-

Б

стїе столь нами искомое, есть цѣна истиннаго мудреца, то кто можетъ мнѣ даровать сїе безцѣнное сокровище? зависитъ ли оно отъ самого меня? почту ли я его даромъ небесъ? не также ли и оно, какъ разумъ, красота и рожденїе совсемъ не зависитъ отъ власти человѣческой? въ самомъ ли дѣлѣ я воленъ? или и душа моя и тѣло мое суть простыя токмо пружины управляемыя другимъ правителемъ? Наконецъ моя воля,

которая мною движитъ и меня влечетъ покорствуетъ ли моей душѣ, или ею повелѣваетъ ?

Въ то время, какъ пребывалъ я глубоко погруженнымъ въ сіе жестокое сомнѣніе и очи мои наполненныя слезами обращалися къ небу , одинъ изъ тѣхъ духовъ , коихъ высочайшій Творецъ поставилъ возлѣ своего престола и сотворилъ для того , что бы они его познавали; которые одушевляются Его Боже-

ственнымъ духомъ и воспламѣняется огнемъ его, снизшелъ ко мнѣ съ небесныхъ сводовъ; ибо часто сіи чада свѣта просвѣщаютъ душу простую и грубую свѣтскаго человѣка, и убѣгаютъ отъ тѣхъ надмѣнныхъ поучителей, кои взошедъ на свою кафедру, думаютъ быть превосходнѣе и самыхъ Ангеловъ, и имѣя мозгъ затмѣнный парами какой нибудь Системы, почитаютъ сіи густые туманы за свѣтлость самаго неба.

„ Внемли , вѣщалъ онъ мнѣ утѣшительнымъ гласомъ , то что ты желаешь познать и что мнѣ можно будетъ тебѣ открыть. *Я сожалею* о „ твоемъ смятенiи и твоя „ искусная душа предавшаяся толикому сомнѣнiю „ достойна быть просвѣщенною. Познай , что „ человѣкъ на землѣ столько же воленъ какъ и я , „ се есть наилучшiй даръ „ нашего всеобщаго Владыки. „ Сiя вольность, которую

„Превѣчный даетъ всякому „мыслящему существу, со-„ставляетъ всѣхъ наималѣй-„шихъ духовъ и жизнь и бы-„тїе. Всякой какъ въ жела-„нїяхъ, такъ и въ поступ-„кахъ своихъ воленъ, и сїя „вольность есть свойство „самого высочайшаго нашего „Создателя коею Онъ надѣ-„ляетъ насъ любимыхъ сво-„ихъ чадъ: насъ, кои суть „тѣни его самого, изобража-„ющїе его подобїе. Подобно „какъ Создатель вселенной „единымъ своимъ желанїемъ

„сотворилъ всѣ міры, и ты „когда пожелаешь вещество „тебѣ можетъ быть послу„шно; ты будучи властите„лемъ на землѣ и царь своихъ „мыслей, едва чего похо„щешь, то сама природа „рукамъ твоимъ повинуется. „Ты повелѣваешь морями, „дыханіемъ зефировъ, соб„ственными твоими мысля„ми и самими твоими жела„ніями. Ахъ! безъ сей воль„ности что бъ были наши „души? Мы бы двигались „и побуждались невидимою

,,силою, и всѣ наши желанїя,
,,наши дѣйствїя, наши утѣ-
,,хи и омерзенїя ; однимъ
,,словомъ, все что принад-
,,лежитъ до нашего суще-
,,ства ничего бы намъ са-
,,мимъ не принадлежало; а
,,мы бы были слабыя только
,,и мыслящїя машины сотво-
,,ренныя высочайшимъ Стро-
,,ителемъ на то, дабы быть
,,движимымъ Его Божествен-
,,ными руками; мы были бы
,,подлыя орудїя единаго Бога,
,,которымъ были бы обману-
,,ты.

„Какимъ образомъ безъ „вольности являли бы мы въ „себѣ Его образъ и подобіе, „и какая бы была Ему польза „отъ подлыхъ Его тварей ? „Мы не могли бы ни быть „Ему угодными , ниже Его „озлобить; и Онъ не имѣлъ „бы причины ни наказывать „ни награждать насъ. И на „небѣ и на землѣ не было бы „больше справедливости ; „добродѣтель была бы не„награжденною , а пороки „осталися бы безъ наказанія. „Судьба влекла бы насъ къ

„зверскимъ нашимъ склонно„стямъ, и сей безобразный „свѣтъ былъ бы сотворенъ „для однихъ токмо злыхъ. „Въ таковомъ случаѣ, наглый „притѣснитель, сребролюби„вый ростовщикъ, *Картушъ*, „*Миривейсъ*, или другой ка„кой еще злобнѣе ихъ варваръ „и клеветникъ могъ бы ска„зать: Я ничего не сдѣлалъ; „всему злу учиненноиу мною „содѣтель есть самъ Богъ. Не „я; но Онъ обманываетъ мо„ими устами; Онъ руками мо„ими ударяетъ, раззоряетъ,

,,сожигаетъ и похищаетъ. И ,,такимъ образомъ Богъ ти-,,шины и правосудія былъ бы ,,Богомъ возмущенія и зло-,,дѣйствъ. Держащіе сторону ,,сего ужаснаго ученія могли ,,ли что хуже сего сказать, ,,ежели бы и самаго демона ,,обожали ?

При сихъ словахъ я былъ подобенъ усыпленному человѣку, который вдругъ пробуждается, будучи пораженъ необычайнымъ свѣтомъ, и коего томныя и слабыя зеницы едва позволя-

ютЪ ему увидѣть нѣсколько свѣта. НаконецЪ слабымЪ и робкимЪ гласомЪ дерзнулЪ я ему отвѣчать: Священный Истолкователь вѣчныхЪ законовЪ ! *почто же* человѣкЪ , когда онЪ воленЪ , подверженЪ толикимЪ слабостямЪ? Какую получаетЪ онЪ пользу отЪ свѣта тщетной его премудрости? ОнЪ слѣдуя сему свѣту всегда заблуждается и непрестанно боровшись самЪ сЪ собою преклоняется наконецЪ кЪ пороку , хотя и лю-

бишъ добродѣтель. И почто сей вольный и мудрый обладатель всей вселенной столь часто стонетъ подъ несноснѣйшимъ игомъ рабства?

Духъ утѣшитель на сіи слова мнѣ отвѣчалъ: „Какими несправедливыми роптаніями отягчается твой „разумъ? Ты говоришь, что „вольность часто у тебя „похищается; но развѣ ты „думаешь, что Богъ обязанъ былъ даровать тебѣ „оную непоколебиму, безконечну, равну во всякомъ

„состоянїи, на всякое время „и во всякомъ мѣстѣ? Судь„бы твои человѣчески ; но „желанїя твои подобны Бо„жескимъ. Какъ! не уже „ли плывущая по океяну „маленькая пылинка можетъ „сказать : я должна быть „надѣлена всею неизмѣримою „пространностїю водъ „сихъ? Нѣтъ! все въ тебѣ „слабо, премѣнно и ограни„ченно, какъ сила, такъ „разумъ, дарованїя и кра„сота твоя. Какъ воз„можно, чтобъ власть

„человѣческая была безпре-
„дѣльна, когда и сама При-
„рода во всякомъ смыслѣ
„имѣетъ предписанныя свои
„границы! Но скажи мнѣ,
„когда твое сердце соста-
„вленное изъ страстей,
„противу воли своей пре-
„дается ихъ власти, и ко-
„гда въ сихъ сраженïяхъ чув-
„ствуетъ оно, что воль-
„ность его побѣждена и по-
„рабощена страстямъ, то
„не уже ли ты не имѣлъ сей
„вольности, когда ты оную
„потерялъ? Горячка при на-

„падении на твои члены при-
„ходитъ неравными стопа-
„ми ослабѣвать немощное
„твое тѣло; однакожъ сіе
„бѣдствіе угрожающее опа-
„сностію твоей жизни не на-
„всегда уничтожаетъ твое
„здравіе, а безъ сомнѣнія уви-
„дятъ тебя паки возвращаю-
„щагося отъ самыхъ вратъ
„смерти, съ большею твер-
„достію, удовольствіемъ,
„силою и умѣренностію.
„Познай лучше сей щаст-
„ливый даръ, противъ ко-
„тораго роптаніемъ своимъ

,,ты вооружаешся; вольность
,,въ человѣкѣ есть здравіе и
,,спокойствіе души. Мы о-
,,ную часто теряемъ. Алч-
,,ность къ величеству,
,,гнѣвъ, гордость, обладаю-
,,щая нами любовь, обманчи-
,,вое ревніе любопытнаго же-
,,ланія; увы! вотъ коликимъ
,,болѣзнямъ подвержено наше
,,сердце! однакожъ противъ
,,нападенія ихъ ты можешь
,,быть утвержденъ, возьми
,,только сію книгу и посовѣ-
,,туйся съ симъ другомъ.
,,[другъ есть даръ небесный

,,и истинное благо мудреца]
,,вотЪ *Гелвеций, Сильва* и
,,*ВернажЪ*, (*) коихЪ всемо-
,,гущій БогЪ, любящій чело-
,,вѣковЪ и готовый на всякое
,,время *подать* имЪ свое
,,вспоможеніе, соблаговолилЪ
,,кЪ нимЪ низпослать при са-
,,мой уже ихЪ погибели. Есть-
,,ли хотя одинЪ таковой
,,смертной, котораго нечув-
,,ствительная душа будучи
,,вЪ опасности, имѣла бы
,,другія мысли? Воззри на

(*) Славные доктора вЪ Парижѣ.

,,сего безумнаго проповѣдате-
,,ля слѣпой судбины; внемли
,,какъ онъ совѣтуется, хва-
,,литъ, или разсуждаетъ;
,,внемли какими укоризнами
,,обременяетъ онъ своего
,,сопротивника; смотри какъ
,,ищетъ онъ случая отом-
,,стить своему сопернику;
,,какъ онъ наказываетъ сво-
,,его сына и хочетъ его
,,исправить. Не почиталъ
,,ли онъ его вольнымъ? Ко-
,,нечно, безъ всякаго со-
,,мнѣнія; однакожъ совсемъ
,,тѣмъ не престаетъ онъ за-

„щищать ужасную свою Си-
„стему. Онъ самъ обманы-
„валъ свое сердце, когда же-
„лалъ изъяснить сїе ложное
„ученїе, которому безумно и
„вѣрить и послѣдовать. Онъ
„самъ въ себѣ мысленно при-
„знаетъ справедливымъ то
„мнѣнїе, которое опровер-
„гаетъ. Онъ дѣйствуетъ
„такъ, какъ бы былъ воленъ;
„но говоритъ такъ, какъ
„рабъ.

„И такъ будучи увѣренъ
„о твоей вольности, при-
„писуй твоему Создателю

„сей даръ, который по „благости своей сотворилъ „Онъ для твоего благополучія. Повелѣвай твоему „разуму убѣгать сихъ споровъ, сихъ безсмертныхъ „распрь, мучителей разума. „Буди твердъ въ твоихъ „мнѣніяхъ и простъ въ твоемъ сердцѣ. Люби правду; „но прощай и заблужденію. „Убѣгай восторговъ меланхолической ревности и „знай, что сей заблуждающійся смертный есть человѣкъ и твой братъ.

,,Буди мудръ для себя еди-
,,наго, а о другихъ собо-
,,лѣзнуй и устрояй нако-
,,нецъ свое щастїе благо-
,,получїемъ твоего ближняго.

Тако вѣщалъ гласъ вышняго сего мудреца; рѣчь его выше самаго себя меня возвышала. Я хотѣлъ у него вопросить, будучи невоздерженъ въ моихъ желанїяхъ, и о тѣхъ таинствахъ, которыя извѣстны единымъ токмо небеснымъ обитателямъ; какъ наприм: Что такое есть духъ, про-

странство, протяженїе, вещество, вѣчность, время, дѣйствующая сила, свѣтлость: однимъ словомъ, я хотѣлъ ему предложить тѣ удивительные и странные вопросы, которые толь часто приводятъ въ затрудненїе глубокомыслящаго *Гравезанда* (*) и остроумнаго *Мерана* (**) и кои тщетно толковалъ въ ученыхъ своихъ химерахъ сочинитель вихрей *Картезїй*, которому

(*) Профессоръ въ Лейдѣ.

(**) Г. Дюрту де Меранъ, Секретарь Парижской Академїи.

нынѣ совсемъ уже не вѣрятъ; но онъ уже сокрывшись отъ моихъ восхищенныхъ взоровъ, летѣлъ къ горнему обиталищу, гдѣ блещетъ истинна. Онъ не для того ко мнѣ снизходилъ, чтобъ повѣдать мнѣ о таинствахъ Всевышняго, которыхъ не могу я постигнуть мои очи не снесли бы того величайшаго свѣта, а конечно бы отъ того повредились; онъ только мнѣ сказалъ: будь щастливъ, и того весьма довольно для меня сказано.

РѢЧЬ ТРЕТІЯ.

О зависти.

Когда человѣкъ сотворенъ свободнымъ, то долженъ самъ управлять собою; когда имѣетъ онъ при себѣ мучителей, то надлежитъ ихъ отъ себя отгнать. Всякому довольно извѣстно, что сіи мучители суть пороки: а изъ всѣхъ жесточайшій между многими человѣческими неистовствами, который будучи

наигнуснѣйшимъ и крово-жаждущимъ, вонзаетъ во глубину человѣческаго сердца ядовитыя стрѣлы; сей лютый мучитель духа есть *Зависть*. Гордость произвела ея изъ нѣдръ невѣжества; ничто не можетъ ее успокоить и ничто просвѣтить ее неможетъ. Хотя она есть чадо гордости; однакожъ страшится ей показать себя. Достоинство другаго есть лютѣйшее для нее иго, которое ея отягощаетъ.

Она подобна баснословному Исполину сражающемуся съ Богами и отъ нихъ наконецъ пораженному, который тщетно бросаетъ огненныя стрѣлы, кои на самаго на него обращаются; произноситъ хулы, бросается во всѣ стороны будучи поверженный вомрачную темницу, потряхаетъ горою Етною на него низпадшею, которая наконецъ его задавляетъ.

Я видѣлъ нѣкоторыхъ Вельможъ упоенныхъ ложною

славою, порицающихъ знаменитую Вилларскую побѣду и ненавидящихъ руку бывшую ихъ подпорою. Сія рука поражала враговъ ихъ, а они сплетали ея погибель. Сей Герой отправляясь на сраженіе справедливо сказалъ Лудовику: *Я ничего не страшусь кромѣ Версаліи; я иду съ безстрашіемъ противъ вашихъ непріятелей: но вы защитите меня отъ моихъ, кои окружаютъ моего Государя.*

Завистливыя сердца! коликимъ предаетесь вы мученiямъ? всеобщая радость причиняетъ вамъ несноснѣйшую скорьбь. Самыя веселыя бесѣды бываютъ для васъ скучными; наисладчайшiя яствы напоенныя вашею желчiю обращаются вамъ въ смертоносный ядъ. О вы достигающiе до высокихъ почестей! сей путь весь ли принадлежитъ вамъ единымъ? почто неможете вы терпѣть, что бы и другiе по оному шествовали?

или вы хотите уподобляться тѣмъ Восточнымъ Владѣтелямъ, кои покоряя себѣ оружїемъ робкую Азїю, думаютъ, что не могутъ бсзопаснѣе надъ оною владычествовать, какъ чрезъ умерщвленїе своихъ братїй?

Когда на театрѣ *Дюфрезна* и *Госсенна* славнѣйшїя Парижскїя Актрисы играя Роли *Орозманы*, *Алзиры* и *Зеновїи* возбуждаютъ въ зрителяхъ жалость, которые съ чувствительностїю про-

ливаютъ слезы; тогда отчаянный *Руфъ*, коего зрѣлище сіе раздражаетъ, также сидя въ углу проливаетъ слезы; однакожъ не отъ сожалительнаго чувства, а отъ злости.

Итакъ нещастный страдалецъ, когда сія суетная честь, когда сіе благополучіе другаго раздираетъ твое сердце, то воспользуйся покрайней мѣрѣ досадою тебя угнѣтающею; заслужи самъ таковыя же почести: начинай, продолжай и оканчивай

благоуспѣшныя твои предпрїятїя. Ежели Публика похваляетъ стихи славящагося Автора, то можетъ ли сїе нанести тебѣ какой стыдъ и посрамленїе? ободрись, пиши самъ; старайся написать лучше его; однакожъ берегись писать Критику; ибо рано или поздно бываетъ осуждаемъ Сатирической писатель. Когда слава твоего сопротивника тебя оскорбляетъ, то ничемъ другимъ не долженъ ты ему отомщать, какъ

стараніемъ превзойти его въ славѣ. Воздвигни памятникъ выше его торжественнаго знака; но чтобъ посрамить *Рамо*, надлежитъ быть *Орфеемъ*. Гадкая женщина намазанная бѣлилами и румянами не должна насмѣхаться надъ красавицею; ибо хуля ее она не можетъ сама здѣлаться прекрасною.

Къ чему послужило гнусносочиненное ругательство противъ *Беля*? Хотя *Бель*

отъ *Жюріе* * претерпѣвалъ великое гоненіе; однакожъ люди благоразумные всегда сохраняютъ къ нему почтеніе, и имя *Журіе*

---

* Жюріе былъ священникъ Протестантскаго закона, который вооружался и противъ Беля и противъ здраваго разсудка; онъ писалъ очень глупо и выдавалъ себя за пророка: онъ предсказывалъ, что Франціи предстоятъ великія нещастія; однакожъ оныхъ не случилось. Но Бель почитается въ числѣ великихъ мужей родившихся во Франціи; Парламентъ Тулузской приписываетъ ему великую честь, выдавъ его завѣщаніе.

бешенаго его гонителя нынѣ извѣстно свѣту токмо по всеобщему къ нему омерзенїю·

Часто въ чрезмѣрной досадѣ своей бѣдный Авторъ дѣлается злобнымъ порицателемъ; онъ изрыгаетъ на всѣхъ гнусную свою злобу и для него все кажется соблазнительнымъ и безбожнымъ. Естьли кто увѣряетъ, что шаръ земной во *обращенїи* своемъ поднимается къ Екватору, ворочаясь на оси своей, то сїе

почитаетъ онъ заблужденїемъ и богохулїемъ; *Малебранша* называетъ послѣдователемъ безбожнаго *Слинозы*, а *Локъ* по мнѣнїю его, въ *писанїяхъ* своихъ заражаетъ человеческїе умы ядомъ *Еликуровымъ*; *Полїй* кажется ему великимъ беззаконникомъ, коего нечестивое перо дерзаетъ выхвалять Божїе безконечное милосердїе; который будто бы безумно возвѣщаетъ, что Богъ насъ любитъ всѣхъ и что все

здѣсь сотворено къ наилучшему. Но онъ самъ таковый скаредный писатель можетъ быть почтенъ во сто разъ нещастнѣе и безчестнѣе, который пишетъ изъ гнуснаго прибытка и продаетъ чернила свои и свою злобу тѣмъ, кто болше ему дастъ. Онъ презрителенъ по своему вкусу и мерзокъ по своему нраву; онъ изрыгаетъ клевету на другихъ, жалуяся на претерпѣваемые имъ самимъ ругательства; онъ есть скучный

Сатирикъ возвѣщающій, что все причиняетъ ему несносную скуку; вопіющій, что хорошій вкусъ совсемъ истребился въ Парижѣ и весьма ясно то доказываетъ, покрайней мѣрѣ собственными своими сочиненіями.

Можно извинить Деспро, что писалъ онъ сатиры потому, что порицая пороки людскія онъ всѣмъ нравился хорошими своими стихами; медъ извлекаемый сею пчелою изъ цвѣтовъ, могъ услаждать скорьбь

причиненную его уязвленї-
емъ. Но что принадлежитъ
до глупаго *Ферона*, кото-
рый безъ всякаго познанїя,
преисполненъ единою ток-
мо злобою, который жи-
ветъ зломъ отъ него рож-
даемымъ и вредитъ дру-
гимъ не принося ни кому ни
малой пользы, то таковаго
гордаго несекомаго, всякому
со утѣшенїемъ должно ста-
раться скорѣе раздавить;
ибо онъ отягощаетъ уши
и досаждаетъ зрѣнїю.

Сколь велико было ваше

заблужденїе, о вы подлые маляры! ошпаенные сопрошивники; ваши дерзкїя руки въ томъ монастырѣ, въ которомъ еще до нынѣ видно *Бруново* искуство, по гнусной зависти, могли обезобразить искуснѣйшїя изображенїя Французскаго *Зевкса*! * Вашимъ maранїемъ искуство кисти его лишь только болѣе прославилось.

---

* Нѣкоторые живописцы изъ зависти къ Лесюеру испортили писанные имъ образа въ Kортезїянскомъ монастырѣ.

Полотно писанное его кистїю хотя разодрано; но не теряетъ цѣны своей: его начертанїя хотя очень вѣтхи; однакожъ навсегда останутся превосходными, а вашими всѣ будутъ гнушаться. Итакъ, да возненавидимъ сей опаснѣйшїй порокъ, какова есть зависть.

Сколь напротивъ того должна быть намъ приятна справедливая и благопристойная критика, происходящая отъ истиннаго благоразумїя; какъ напр:

Въ то время, когда *Ришелье* вознамѣрясь безразсудно унизить раждающуюся славу, коею превозносили трагедїю *Сида*, повелѣлъ *Шапелену* осудить сїе *Корнелїево* сочиненїе; тогда *Шапеленъ* вмѣсто осужденїя сказалъ: *Я самъ бы желалъ сочинить таковую трагедїю.* Такимъ-то образомъ великїй духъ умѣетъ мыслить о великомъ человѣкѣ.

Славный Италїянскїй Архитекторъ *Бернини* по призыванїю *Колберта* прїѣхавшїй

изъ Рима въ Парижъ, увидя Луврь удивлялся искусной рукѣ *Перольтовой.* * Ахъ! сказалъ онъ, когда Парижъ заключаетъ въ стѣнахъ своихъ труды сего совершеннаго и рѣдкаго въ искуствѣ своемъ мужа, то надлежало ли призывать меня сюда изъ Италїи? Вотъ истинное достоинство! онъ говоритъ искренне; зависть повержена

* Прекрасное строенїе, стараго Лувра строено славнымъ Архитекторомъ Перольтомъ.

къ ногамъ его; а миръ и тишина обитаютъ въ его сердце.

Сколь величественно и сколь приятно, когда кто можетъ самъ себѣ сказать: Я не имѣю неприятелей; ибо я люблю и самыхъ моихъ сопротивниковъ; я приемлю участiе въ ихъ славѣ, въ ихъ нещастiи и въ ихъ благополучiи; когда единакiя художества насъ соединили, то я ихъ благодѣнствiя почитаю моимъ собственнымъ. Такимъ точно

образомЪ земля со удовольствїемЪ произращаетЪ на своей поверхности, и дубы, и сосны, и другїе разные древа стоящїе одно подлѣ другаго; Они всѣ равно получаютЪ отЪ нее сокЪ свой: ихЪ корень простирается до самаго ада, а верьшины до небесЪ; ихЪ пни стоятЪ непоколебимо, а гордыя ихЪ верьшины нагнувшись и самымЪ жестокимЪ бурямЪ возпротивляются. Они живутЪ одни для другихЪ, и торжественно пребываютЪ

многіе вѣки, какъ между тѣмъ подъ ихъ пріятною тѣнію гнусныя змеи съ яростнымъ шипеніемъ предаются междоусобному сраженію и не чистою своею кровію орошаютъ ихъ корни.

РѢЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О умѣренности во всемъ.

Какъ въ наукахъ, такъ и въ честолюбіи, и въ утѣхахъ.

Всего желать свойственно человѣку глупому, который во всѣхъ своихъ желаніяхъ стремится до чрезвычайности; умѣренность же принадлежитъ мудрому, который умѣетъ управлять своимъ вкусомъ, трудами и утѣхами; полагаетъ цѣль своему стремленію и предѣлы своимъ

желанiямъ. Никто не можетъ имѣть всего. Когда съ самаго твоего рожденiя любовь къ наукамъ руководствовала твоею юностiю, то *природа есть отверзтая для* тебя книга, въ которой ты можешь увидѣть то, что надлежитъ тебѣ знать; а не то, о чемъ многiе умствовали. Разсудокъ предшествуетъ предъ тобою; иди озаряемый его свѣтомъ; однакожъ полагай предѣлы твоему стремленiю и при достиженiи твоемъ

до безконечнаго, шествїе твое должно остановиться; ибо тамо отверзается предъ тобою неизслѣдимая пучина, которую съ благоговенїемъ ты чтить долженъ.

Реомюръ, коего хитрая рука и острый разумъ толико разъ проницали въ самую глубину природы, возможетъ ли когда меня извѣстить; какими нѣжными пружинами Превѣчный Архитекторъ растягиваетъ и побуждаетъ рости раз-

личные тѣла? почто страшный Аспидъ, жестокій тигръ и рысь никогда не могутъ укротить своего свирепства; а собака на противъ того, признавая руку ея питающую, и при самой смерти лижетъ любимаго своего хозяина? Отъ чего бываетъ, что сїе трепещущее несекомое со ста ногами, кои кажутся намъ совсемъ безполезными, едва по землѣ влачить себя можетъ? и почто сей превращающїися червякъ уми-

раетъ, потомъ паки воскресаетъ и является въ новомъ уже образѣ съ увѣнчанною главою, покрытый блистательною одеждою, и разпростерши свои крылія подъемлется на воздухъ? Мудрый *Дюфай* * искуснѣй-

* Г. Дюфай былъ главнымъ смотрителемъ надъ Королевскимъ садомъ, который до него былъ въ великомъ небреженіи; но потомъ съ помощію Бюфона доведенъ былъ до такого состоянія, что всѣ иностранные оному удивлялись; ибо кромѣ многихъ отмѣнныхъ произрастѣній хранилось въ немъ великое множество другихъ рѣдкостей.

тїи въ познанїи многихъ различныхъ растѣнїи собранныхъ имъ изъ всѣхъ частей свѣта, можетъ ли мнѣ сказать: отъ чего нѣкоторые цвѣты такъ нѣжны, что и отъ самомалѣйшаго прикосновенїя нашими грубыми руками въ ту же минуту увядаютъ? Но чтобъ познать хотя мало о томъ, что во внутренности моей происходитъ, вопрошу я искуснѣйшаго Королевскаго Медика; безъ всякаго сомнѣнїя онъ

въ семъ случаѣ знаетъ гораздо больше другихъ ученыхъ своихъ собратіи. Я хочу отъ него узнать: какими сокровеннѣйшими тайными пища сварившаяся въ моемъ желудкѣ превращается въ самонѣжнѣйшій сокъ подобный молоку? и какимъ образомъ сей самый сокъ, протекая по моимъ жиламъ подаетъ новую силу моему слабому тѣлу, приводитъ въ біеніе мое сердце и рождаетъ мысли въ мозгу моемъ? Однакожъ онъ

при таковыхъ моихъ вопросахъ возводитъ очи свои къ небу и съ уклоненіемъ главы своей вопіетъ: Вопросите о семъ у самаго Бога одарившаго насъ жизнію.

О вы Физическіе испытатели! новые *Аргонавты*! восходившіе на самыя высокія горы, преплывавшіе обширнѣйшія моря, вывезшіе изъ земель покоренныхъ тремъ коронамъ, ваши инструменты, вашихъ послѣдователей и вашихъ двухъ

Лапонокъ. * Вы въ тѣхъ мѣстахъ преисполненныхъ скуки подтвердили и самыми опытами познали то, что *Невтонъ* описывалъ не выходя изъ своей комнаты; вы измѣрили нѣкую токмо слабую часть той земной поверьхности, которая всегда

* Господа Мопертуй, Клеролтъ, Лемоніе и пр: ѣздили въ 1736 году въ Торнео для измѣренія полуденнаго круга и вывезли оттуда двухъ Лапонокъ; о семъ яснѣе сказано въ примѣчаніяхъ на Россіянина въ Парижѣ. Три короны изображаютъ гербъ Швеціи, къ которой принадлежитъ Торнео.

бываетъ льдомъ покрыта; откройте мнѣ тѣ пружины, коими управляется тягость тѣлъ небесныхъ; безъ сумнѣнія вамъ извѣстны законы Творца ихъ создавшаго; возвѣстите мнѣ, какими силами благотворныя Его руки обращаютъ по небесамъ толико міровъ? для чего нашъ земной шаръ стремившись къ солнцу, вертится на оси своей? по чему Юпитеръ въ двенатцать лѣтъ обтѣкаетъ небесныя селенія и дни его

не болѣе десяти часовъ? Но вы о семъ ничего не знаете; вашъ мудрый цыркуль хотя измѣряешъ всю вселенную; однакожъ оную нимало не постигаетъ; я вижу васъ начертавающихъ на бумагѣ, по извѣсшной вамъ наукѣ, лишь только наружныя части горьнихъ мѣстъ неприступныхъ для человѣка; углы и бока оныхъ изображаются вашими чертами; но внутренность на вѣки отъ очей вашихъ пребудетъ сокрыта. Итакъ почто мнѣ

крушиться, естьли слабый мой взоръ не можетъ проникнуть мрака покрывающаго мои очи? Я не намѣренъ подражать тому нещастному мудрецу, который желая испытать, отъ чего гора Етна извергаетъ изъ себя огненное пламя, шествуя по кучамъ смолы и пеплу, былъ наконецъ пожертъ тѣмъ самымъ огнемъ, котораго происхожденіе безумно хотѣлъ постигнуть.

Будемъ паче всего умѣренными въ нашемъ честo-

любви; сїя страсть болѣе всѣхъ обладаетъ человѣческимъ сердцемъ. Надмѣнный судїя, суровый таможенный зборщикъ, набожная лицемѣрка и вѣтренная кокетка, ѣздятъ напочтѣ въ Версалїю сносить отъ другихъ къ себѣ презрѣнїе, которое сами съ своей стороны, возвратившись поспѣшно также на почтѣ въ Парижъ, другимъ оказываютъ. И самые свободные обитатели бреговъ Пермесскихъ бывали иногда обольщаемы симъ

ложнымъ блескомъ. *Платонъ* умствовалъ при дворѣ *Дїонисїевомъ*. *Расинъ* жансенистъ былъ при лицѣ *Лудовика*. Любострастный Авторъ воспѣвающїи *Гликерїю*, за денги прославлялъ сына *Октавїева*. Да и я самъ признаюсь, что удалясь отъ первыхъ моихъ расположенїй жилъ при Государяхъ; но мой корабль наконецъ сокрушился на моряхъ сихъ Сиренъ. Ихъ гласъ прельщалъ мои чувства; но руки

мои носили ихъ оковы; мнѣ говорили: я тебя люблю; а я какъ безумецъ тому вѣрилъ думая, что и въ самомъ дѣлѣ мысли соотвѣтствовали словамъ ихъ. Я и еще хуже сего дѣлалъ. Суетному желанію нравиться порабощалъ я самую мужественную мою вольность, къ которой всегда чувствовалъ природную склонность; такъ что потерявъ весь разсудокъ, коимъ я долженъ былъ при семъ случаѣ вооружаться, я по-

мышлялъ, яко бы и Государь могъ любить частнаго человѣка. Но сколь я радъ, что очувствовался отъ сего великаго заблужденія! Едва только удалился я отъ двора и началъ шествовать по пути равному съ прочими мнѣ подобными, какъ озаренная душа моя почувствуя раскаяніе не ощущала другаго честолюбія, кромѣ истиннаго желанія совсемъ выти изъ прежняго моего заблужденія. О вы мудрецы!

Умстрователи! и всѣ почитающіе себя въ числѣ оныхъ, ежели вы хотите жить на свѣтѣ щастливо; старайтесь всегда жить никому не порабощенными.

А вы поселившіе въ Парижѣ всѣ постыдныя излишности развращенныхъ нравовъ; утопающіе въ нѣгѣ и роскоши и упоевающіе душу свою вѣчнымъ безуміемъ; при исканіи себѣ различныхъ забавъ, научайтеся истинному искуству ихъ познавать и ими услаж-

даться. Утѣхи суть цвѣты, которые нашъ Высочайшїй Творецъ между всѣми тернїями сего мїра, для отрады нашей около насъ произращаетъ. Всякой изъ оныхъ имѣетъ свое время; при разумномъ же ихъ употребленїи, можно оные сохранить и ими наслаждаться при самой зимѣ лѣтъ нашихъ. При срыванїи сихъ цвѣтовъ надлежитъ имѣть великую осторожность; ибо красота ихъ весьма мало-

временна и они отъ неосторожнаго къ нимъ прикосновенія мгновенно увядаютъ. Не обременяйте вашихъ чувствъ излишними нѣгами и роскошью; ибо всѣ пріятнѣйшія благоуханія Флоры вдругъ истощатъ всѣ свои силы и тотчасъ изчезнутъ. Не надобно вдругъ все видѣть, все чувствовать и все слышать; а надлежитъ оставлять утѣхи для того, что бы по нѣсколькомъ времени паки со утѣшеніемъ

можно было ими насладиться. Трудолюбїе часто бываетъ матерїю утѣхи; для меня очень жалокъ человѣкъ отягощающїйся игомъ праздности. Благополучїе наше въ сей жизни есть такое благо, которое чрезъ труды наши природа намъ доставляетъ Здѣсь на землѣ безъ сѣянїя не можетъ быть никакой жатвы; все требуетъ нашего старанїя и все покупается нашими трудами.

Воззрите на Броссорета* пресыщеннаго вкусными яствами при выходѣ его изъ театра, гдѣ никакія приятнѣйшія зрелища неутѣшали его взоровъ, и Мусикійскій гласъ тщетно поражалъ его уши; Онъ влеченъ себя на ужинъ; преисполненный потаенной скуки, тщетно по всюду ищетъ онъ утѣхи; ничто его не утѣшаетъ и

* Броссоретъ Парламентскій Совѣтникъ, богатый и весьма раскошный.

онъ самъ себя почитаетъ несноснымъ бременемъ. Его разумъ помраченный густыми парами, хотя раждаетъ еще иногда нѣкоторыя свои черты; однакожъ безъ всякаго отмѣннаго блистанія и силы. Нещастный! Между всѣми роскошами, коими онъ думаетъ себя упоять, едва достанетъ ему времени пожелать оныхъ.

Было нѣкогда, что *Утѣха* будучи съ ласкою осязаемая руками *Роскоши*

заснула во объятіяхъ *Лености*, отъ сего сна *Утѣха* пришла въ крайнее безсиліе и тогда престали пѣсни, не стало ни стиховъ ни любви и *Скука* готовилася разрушить всю вселеную; но Богъ сжалясь надъ человѣческою природою поставилъ подлѣ *Утѣхи* *Трудъ* и *Работу*. *Страхъ* ее разбудилъ и *Надежда* управляла ея шествіемъ; и такъ съ того времени даже до нынѣ сіи сопутники здѣсь на землѣ

всегда ее сопровождаютъ.

Устилайте ваши разговоры всегда новыми цвѣтами, говорю я любовникамъ, и то же самое повторяю красавицамъ. *Дамонъ*! твои обманчивыя управляющія тобою чувства обѣщали тебѣ благополучіе; но онаго тебѣ недоставили. Ты думаешь, будучи обольщенъ приятностями нѣжной любви имѣть съ *Дафною* вѣчныя свиданія; однакожъ сіе мнимое для тебя блаженство отъ частаго употребле-

нія обратится наконецъ въ несноснѣйшую скуку и для васъ обѣихъ весьма будетъ нужна разлука. Ахъ! для того, чтобъ вамъ всегда другъ съ другомъ видаться не чувствуя никогда отъ того скуки, надлежитъ имѣть сердце благороднѣе и душу величественнѣе, также разумъ истинный, острый и непомраченный; вамъ не надобно имѣть ни вспылчивости ни своенравія, а паче всего нужно быть добродѣтельными, ибо сердца

развращенныя истинной дружбы вкушать не могутъ.

О божественное дружество! совершенное блаженство! ты единое такое движенїе души, при которомъ и излишество позволяется. Преврати во благо всѣ горести мною претерпѣнныя. Ты сопутница моя во всѣхъ моихъ жилищахъ, во всѣхъ временахъ и вовсѣхъ часахъ моей жизни. Безъ тебя человѣкъ почитаетъ себя единымъ на свѣтѣ; чрезъ твое посредство мо-

жетъ онъ размножать бытїе свое и жить въ другомъ себѣ подобномъ. О дружество! кумиръ истиннаго сердца и страсть мудраго! да увѣнчаетъ имя твое сїе мое сочиненїе; да присудствуетъ оно при стихахъ моихъ такъ, какъ владычествуетъ въ моемъ сердцѣ; ты меня научило познавать и воспѣвать человѣческое блаженство.

РѢЧЬ ПЯТАЯ.

О Свойствахъ Человѣческихъ.

Гласъ добродѣтели гремитъ при твоемъ пѣнiи; оный влечетъ меня къ тебѣ приятностiю стиховъ твоихъ. Ты паче всего стараешся познать человѣка; твой разумъ изыскиваетъ пути къ выходу изъ сего лабиринта. Яви человѣка предъ моими очами; хотя къ стыду моему я не имѣю о себѣ ни малаго познанiя; однакожъ въ суще-

ство мое и во внутренность мою желаю проникнуть. *Деспро* и *Паскаль* писали на человѣка сатиру; а *Полій* и великіи *Лейбницъ* будучи менѣе склонными къ злословію, казалося въ писаніяхъ своихъ о человѣкѣ держалися разумной средины. Они снизходили къ ничтожеству человѣка и возвышалися къ величеству Божію. Но коликой еще и до нынѣ густый мракъ покрываетъ природу! О семъ новомъ

Гедиллѣ, о сей темнѣйшей загадкѣ, хотя каждый предлагалъ свое мнѣнїе и хотя долгое время о семъ размышляли; однакожъ открылъ ли кто по сїе время истинный смыслъ сея загадки?

Я знаю, что при ужинѣ у *Лаиса*, или у *Катулла* сїе глубокое изслѣдованїе обращается въ насмѣшку. Тамо вмѣсто всѣхъ доказательствъ нѣкоторыми злобными стишками забавляются надъ нашими дерзно-

венными умами. Другое время, другое и ученїе! Иногда и сїи строгїя умствованїя бываютъ прiятными. Весьма утѣшительно вникать во глубину своего сердца; наши очи съ жадностїю стремятся къ тому свѣту, который мѣдленно приходитъ просвѣтить насъ. Болшой свѣтъ есть легковѣренъ, нерачителенъ и преисполненъ вѣтренности; его гласъ оболщаетъ наши чувства и помрачаетъ нашъ разумъ.

Во уединенiи токмо человѣкъ бываетъ мудрымъ; и такъ я хочу быть таковымъ; я хочу купно съ тобою отъ персти земной вознестись ко престолу своего Владыки. Покажи мнѣ, буде ты можешь, ту невидимую цѣпь мiра духовнаго и мiра чувственнаго; сей сокровенный порядокъ толикихъ различныхъ существъ, которой *Полiй* послѣ *Платона* думалъ созерцать во вселенной.

Тщетно ты къ тому

меня побуждаешь; сїе обширное познанїе или превосходитъ мои силы, или налагаетъ на меня вѣчное молчанїе. Мой разумъ будучи стѣсненъ строгостїю законовъ Французскихъ не можетъ далѣе распространиться; ибо не имѣетъ таковой вольности, каковою наслаждаются Греки и Агличане. *Полїй* былъ воленъ писать обо всемъ; но я долженъ молчать. Въ Буржѣ Бакалавръ можетъ проникнуть сїю тайну; но я бу-

дучи человѣкомъ нечиновнымъ, не хочу за одно какое либо слово подвергнуть себя опасности. Я только предложу здѣсь одну истинную повѣсть, которую *Формонъ* * почелъ бы баснею и которую читалъ я вчерась въ нѣкоторой книгѣ Китайской, давно уже на французской языкъ переведенной однимъ Езуитомъ бывшимъ въ Пекинѣ.

---

* Формонъ описанъ въ Исторіи Китайской человѣкомъ весьма ученымъ.

„Нѣкогда мыши между собою разговаривали. Сколь прелѣстенъ сей міръ? говорила одна мышь другой; сколь велика наша здѣсь власть! Сей великолѣпный домъ созданъ для насъ; съ самой вѣчности Богъ сотворилъ для насъ тѣ великія отверзтія, въ которыя мы уходимъ. Видишь ли ты тѣ жирные окороки, лежащіе подъ симъ огромнымъ сводомъ? оные сотворены рукою самой природы. Сіи великія кучи ветчины бу-

дутъ для насъ вѣчною нашею пищею. О великїй боже! ежели вѣрить нашимъ мудрецамъ, то мы должны себя почитать наилучшимъ твоимъ творенїемъ; хотя то правда, что кошки для насъ очень страшны, которыя могутъ тотчасъ насъ пожрать; но онѣ болѣе служатъ къ наученїю насъ и для нашего исправленїя.

Немного по далѣе отъ сихъ мышей, подлѣ лѣсу и воды на мяхкой зеленой муравѣ прогуливалися невин-

ныя утки, гордыя индѣйскія куры и блеющія жирныя овцы обремененныя своею волною, которыя говорили: Все принадлежитъ намъ, лѣса, луга, пруды и горы; небо для нашихъ потребностей украшаетъ приятною зеленью сіи поля. По близости отъ нихъ ходящій по травѣ и смотрящій на себя въ воду оселъ, также благодарилъ небо, что создало его столь прекраснымъ. Для ословъ только однихъ, говорилъ онъ,

небо сотворило землю; человѣкъ есть мой рабъ; онъ меня кормитъ, поитъ, чиститъ, моетъ и предупреждаетъ всѣ мои желанїя; онъ устроиваетъ мой сераль, доставляетъ мнѣ любовныя утѣхи и съ почтенїемъ взираетъ на мою благородную нѣжность; а я смѣюсь, взирая на сего гордаго моего раба завидующаго мнѣ въ семъ щастливомъ дарѣ, которой получилъ я отъ небесъ.

Потомъ человѣкъ при-

шедшій туда же возопилЪ: Я есмь могуществен Ъ и премудрЪ; небеса, земля и всѣ стихіи сотворены для моихЪ услугЪ; океянЪ созданЪ для ношенія на себѣ моихЪ кораблей; вѣтры суть мои рабы, а звѣзды мои факелы. Сей шарЪ, который освѣщаетЪ мрачные нощные покровы, возрастаетЪ, уменшается, уходитЪ, приходитЪ и владычествуетЪ надЪ звѣздами; но я владычествую надЪ всемЪ. Мой блистательный разумЪ

былъ прежде стѣсненъ въ предѣлахъ міра; но нынѣ наконецъ учинился онъ оракуломъ и обладателемъ всего міра; я еще не то, чемъ бы долженствовалъ быть. Въ то же самое время нѣкоторые Ангели управляющіе движеніемъ и обращеніемъ по небесамъ обширнѣйшихъ планетъ вѣщали: Безъ сомнѣнія сіи планеты сотворены для нашей забавы; послѣ сихъ словъ съ превыспренности обращали они взоры свои на землю

и усмотрѣвъ человѣка насмѣхалися надъ нимъ и надъ его безумною гордостїю. ТІЕНЪ * услышавъ таковыя ихъ умствованїя повелѣлъ въ ту же минуту представить всѣхъ предъ себя: и Ангеловъ, и человѣка, и четвероногихъ, и птицъ; изъ коихъ каждый составляетъ особенный мїръ въ сей обширной вселенной.

Вы творенїя рукъ моихъ, вѣщалъ онъ имъ, *вы чада единаго отца, носящїе на*

---

* Такъ называется у Китайцевъ Богъ.

себѣ мое божественное впечатлѣніе: вѣдайте, что ничего для васъ не сотворено; но вы сотворены для меня. Азъ есмь единая средина, куда вы всѣ стремитесь. Познойте во мнѣ властителя всѣхъ судебъ и всѣхъ временъ. Ничего нѣтъ на свѣтѣ ни великаго, ни малаго; а все таково, каковымъ быть, должно. Всѣ вы будучи несовершенными орудіями Совершеннаго Всецѣлаго, занимайте назначенныя для васъ мѣста и

пребывайте всегда довольными. Однакожъ и послѣ онаго человѣкъ не остался довольнымъ. Сїе непокорное существо вѣчно ли будетъ роптать противъ Высочайшаго Промысла? Одинъ старый ученый Китаецъ забравшїй себѣ въ голову ученїе Конфуцїево и его Логику, и противъ всего дѣлающїй свои возраженїя, разбирая, умствуя и заключая, произнесъ наконецъ свою жалобу сими словами.

„Почто нахожусь я въ пун-

ктѣ стѣсненномъ времененемъ? Моя жизнь должна бы была продолжаться болѣе двадцати тысячь лѣтъ; мой ростъ покрайней мѣрѣ долженъ бы былъ простираться до ста локтей; для чего имѣя столь быстрыя и стремительныя мысли не могу я путешествовать въ лунѣ и перемѣнить ея теченїе? *для чего* большую часть моей жизни долженъ я провести во снѣ? Твои *для чего*, вѣщалъ ему ТІЕНЪ, никогда не прекратятся; ско-

ро вопросы твои будутъ рѣшены; поди ищи на оныя отвѣтовъ въ той странѣ, гдѣ раждаются судьбы человѣческія. Въ тужъ самую минуту Ангелъ подъемлетъ его на воздухъ, возноситъ въ средину той безмѣрной пустоты, въ которой всѣ міры обращаются. Оттудова сквозе многихъ солнце въ окруженныхъ планетами, лунами, кругами и длинными кометами прилѣтаютъ они въ тотъ шаръ, въ которомъ безсмертными руками Вла-

дыки естества начертаны божественныя его предопредѣленія, и гдѣ око можетъ обозрѣвать видимыя образованія всѣхъ возможныхъ и дѣйствительныхъ міровъ.

Сей старый мудрецъ одушевляемый приятною надеждою искалъ особеннаго сотвореннаго для него міра, таковаго, каковымъ бы онъ самъ желалъ оный сотворить; однакожъ исканіе его было тщетно: тогда Ангелъ ему возвѣстилъ, что ничего изъ

того, чего онъ желаетъ, неможетъ въ самомъ дѣлѣ быть; ибо ежели бы человѣкъ былъ таковымъ, каковыми описываются въ басняхъ *Исполины* сражающїеся съ небомъ, или лучше сказать съ здравымъ разсудкомъ и когда бы жизнь его простиралася до двадцати тысячь лѣтъ, то сїе небольшое собранїе водъ, песку и праха, не было бы достаточно пропитать въ недрахъ своихъ сихъ огромныхъ чадъ столь чуднаго

человѣческаго рода. Китаецъ еще предлагалъ свои доказательства; однакожъ наконецъ принужденъ былъ признаться, что во всей вселенной каждому существу предназначена своя мѣра; что человѣкъ не для того созданъ, чтобъ простирать столь непомѣрныя желанія; что какъ жизнь, такъ и утѣхи его ограниченны; что трудъ, болѣзни и смерть для него необходимы; и что не изнуряя себя безумными жалобами надле-

житъ повиноваться волѣ своего Создателя, которую перемѣнить никакъ невозможно; надлежитъ покорствовать Божественнымъ Его законамъ и взирать на смерть твердымъ окомъ и съ умиленною душею. Убѣжденный Китаецъ по испытанiи всего не безъ удивленiя возвратился на землю; но чрезъ нѣсколько времени паки началъ произносить свои роптанiя; умствующаго мудреца весьма трудно обратить на истинный путь!

Матвей Гаро, о которомъ *Лафонтенъ* писалъ басню, не столь былъ дерзновененъ; онъ за все благодарилъ Бога. Можетъ быть, что въ прежнія времена по лѣсамъ протекали млечныя источники, можетъ быть тогда луна была больше; ночи были свѣтлѣя; зимою произрастали пріятнѣйшіе цвѣты, и человѣкъ сей безпечный Царь, утѣшаясь непрестанно произведеніемъ природы, пребывалъ во всегдашней праздности. Но что

принадлежитъ до насъ, поелику мы покорены совсемъ противной участи, то будемъ довольствоваться блаженствомъ для насъ опредѣленнымъ, которое равно какъ и естество наше ограничено и недолговѣчно, не входя въ тщетныя изъисканія о могуществѣ нашего Создателя и не стараясь проникнуть: что могъ бы Онъ для насъ сдѣлать? каковъ былъ прежде нашъ міръ и каковымъ онъ быть дол-

женѣ; а будемъ только на него взирать, яко на твореніе Божіе и собирать плоды тѣхъ драгоцѣнностей, которыя онъ въ себѣ вмѣщаетъ и которыя производитъ на немъ щедрая природа. Ежели бы вѣчное всемогущество Творца насъ сотворившаго даровало намъ жизнь не болѣе двухъ дней продолжающуюся, то и тогда бы мы должны были чувствовать Его милость, и оные два дни нашей жизни должны бы препроводить

въ томъ, чтобъ стараться дѣлать Ему угодное и Его любить. Тотъ, кто хочетъ пользоваться дарованнымъ ему временемъ, всегда онаго имѣетъ довольно. Кто трудится и размышляетъ, для того время не столь кажется короткимъ. Можно жить долго и безъ большаго роста; я бы оное доказалъ, естьли бы продолжительными умствованіями не боялся навести читателю скуки.

Тако муза моя съ простотою различными гласа-

ми воспѣвала истинну, въ то время когда Французы въ Кито стараясь изслѣдовать тайны природы, искали новыхъ свѣтилъ; когда *Клеротъ* и *Молертуй* окруженные льдами и зрительными своими трубами приводили во удивленіе Лапонцевъ; и когда дерзновенный *Вокансонъ* сопротивникъ *Промефеевъ* безъ всякой пользы искусною своею рукою, какъ казалося, подражая самой природѣ одушевлялъ тѣла огнемъ небеснымъ. Уда-

ленный отъ градскихъ пышностей на брегахъ Пермесскихъ я послѣдовалъ природѣ и искалъ мудрости; откудова взиралъ и на *Мильтона* возносящагося къ небесамъ и на *Невтона* проникающаго въ неизслѣдимую пучину, кои стремилися изслѣдывать то, чего разумъ человѣческій никакъ постигнуть не можетъ. Я прилѣплялся ко всѣмъ наукамъ и былъ непримиримымъ врагомъ клеветы, злословія и гнуснаго сумазбродства.

Чтилъ единаго Бога безъ всякаго лицемѣрія и будучи совсѣхъ сторонъ окруженъ великими нещастіями, въ немощномъ тѣлѣ моемъ питалъ духъ вольный прилѣпляющійся къ единымъ токмо наукамъ; вѣдая, что въ здѣшней жизни человѣческому естеству никогда не позволено желать истиннаго блаженства.

РѢЧЬ ШЕСТАЯ.

О истинной добродѣтели.

Имя добродѣтели гремитъ повсюду на землѣ. Его твердятъ на театрахъ, въ судилищахъ, на кафедрахъ; иногда произносится оно при Дворѣ и вносится въ различные договоры. Безъ сомнѣнія весьма приятно слышать о семъ прекрасномъ имени, которое очень легко выговорить; но трудно понять. Симъ именемъ и сами обманываются и другихъ

обманываютЪ. Мнѣ кажется оно подобно шелигамЪ, даемымЪ, получаемымЪ, возвращаемымЪ и мѣняемымЪ подлыми обманщиками; или тѣмЪ ложнымЪ векселямЪ выдуманнымЪ нѣкоторымЪ глупымЪ ШотландцемЪ, который самЪ себя оными обманывалЪ.

Но что же такое есть добродѣтель? Наилучшій изЪ согражданЪ *БрутЪ* раскаивался, что былЪ добродѣтельнымЪ. Добродѣтель, говорилЪ онЪ, есть одно толь-

ко пустое названіе; а въ самомъ дѣлѣ оная совсемъ не существуетъ.

Въ древнія времена *Зенонъ* по надмѣнному своему невѣжеству почелъ *добродѣтелію* нечувствительность. Въ восточныхъ земляхъ безумный *Дервишъ* воздѣвъ глаза свои и руки къ небу, прыгаетъ по полямъ, призываетъ къ себѣ божественное просвѣщеніе и вертясь кругомъ, во имя *Магометово*, думаетъ, что тѣмъ достигаетъ до высочайшей добродѣтели.

Пустынникъ обутый въ деревянные башмаки, подпоясанный веревкою, преисполненный безстыдства и невѣжества, читаетъ, молится въ носъ и воспѣваетъ божественые стихи на худомъ Латинскомъ языкѣ. Но что же изъ того бываетъ пользы? Сдѣлалъ ли онъ какое доброе дѣло на свѣтѣ? Со всею его святостїю и почтеннымъ его саномъ онъ ни къ чему не можетъ быть полезенъ, когда полезенъ для одного только себя.

Когда божественный нашЪ Спаситель Книжниками и Фарисеями приведенЪ былЪ кЪ *Пилату* и сеи РимлянинЪ сЪ видомЪ показывающимЪ самовластіе у него вопросилЪ: *Что есть истинна?* тогда БогочеловѣкЪ, который единымЪ словомЪ своимЪ могЪ бы его научить, или привести вЪ смятеніе, сего гордаго судію не удостоилЪ отвѣтомЪ; а сіе Его мудрое молчаніе всѣмЪ ясно показало, что истинна толико всѣми искомая

здѣсь на землѣ между нами не обитаетъ. Но когда съ искренностію и чистосердечіемъ простый гражданинъ приступилъ къ Нему на улицѣ и хотѣлъ онъ Него узнать: *Что ему должно творить, добы имѣть животъ вѣчный?* Тогда на сей столь важный вопросъ, который до всѣхъ насъ касается, Всевѣдущій отверзъ Божественныя свои уста и единымъ словомъ наставилъ его исполненію своей святой воли сказавъ: *Возлюбиши Бо-*

га и искренняго твоего яко самъ себѣ. Вотъ что предписано человѣку дѣлать, и сего довольно. Самъ божественный нашъ Искупитель повелѣлъ намъ другъ друга любить. И такъ поелику свѣтъ есть злобенъ, суетенъ, легковѣренъ и завистливъ, то убѣгать отъ него весьма хорошо; но служить ему еще лучше. Для ближнихъ своихъ, всегда надлежитъ быть полезнымъ.

Куда бѣжишь ты отъ меня безумный сумазбродъ?

по что имѣешь ты столь блѣдное лице, дикіе взоры, судорожныя движенія и такую странную выступку? * Ты вооружаешся, по мнѣнію твоему, святою яростію противъ безбожниковъ и бежишь поспѣшно въ пятое жилье къ своей лицемѣркѣ. Въ семъ почтенномъ мѣстѣ нѣсколько человѣкъ бѣснующихъ, которыхъ почитаютъ за святыхъ, призываютъ имя Божіе и въ честь Его дѣлаютъ разныя кривлянія;

* Здѣсь говорится о Квакерахъ.

восходятъ на свои каѳедры, дѣлаются оракулами, предвѣщаютъ прошедшее и производятъ многія другія чудеса. Тамъ слѣпой хочетъ быть зрячимъ; но въ такомъ же состояніи ощупкою паки возвращается въ свое жилище. Хромой прыгаетъ и упадаетъ, котораго сія святая семья съ пѣніемъ относитъ въ домъ вмѣстѣ съ его клюкою. Глухой слушаетъ и ничего не слышитъ. И наконецъ сіи мнимо добродѣтельные люди, которымъ глупцы по-

кланяются какъ святымъ, а обманщики стараются подражать, съ восхищенїемъ и восторгомъ проповѣдуютъ легковѣрнымъ дѣвкамъ о скоромъ преставленїи свѣта.

Я знаю, что сїя тайна весьма почтенна; что таковые мнимые святые имѣютъ отмѣнныя отъ прочихъ удовольствїя, и что чудеса ихъ очень хороши; однакожъ: сдѣлать помощь своему ближнему; извлечь друга своего изъ бѣдности; любить врага своего и добро творить

ненавидящимъ насъ; вотъ наивеличайшія чудеса, которыхъ нынѣ никто не дѣлаетъ

Говорятъ: сей судія строгъ и не преклоненъ; ничто не можетъ умягчить его нечувствительную душу; я слышу также, что велятъ ненавидѣть его власть и его мѣсто; ибо онъ изъ ревности къ законамъ щитаетъ за должность дѣлать многихъ нещастными; но видалъ ли кто когда, чтобъ сей самый судія безъ прозбы самъ собою покровитель-

ствовалъ честность, защищалъ невинность и былъ бы надежною подпорою честному, но бѣдному человѣку, который не смѣетъ приступить къ нему съ своею прозбою? Онъ только при наказанїи злодѣянїя бываетъ иногда провосуднымъ? однакожъ сего мало, чтобъ быть только справедливымъ; а надлежитъ помогать бѣднымъ. Справедливый человѣкъ долженъ быть благодѣтельнымъ. Сказываютъ, что нѣкогда гнусный Министръ

подавалъ одному добродушному Государю свой совѣтъ, говоря ему сими словами: *Тимантъ* пренебрегаетъ Католицкимъ закономъ и въ тайнѣ слѣдуетъ закону Кальвинскому; у него нашли Кальвинскую Библїю и такъ надлежитъ, Государь! для прекращенїя сего зла, заключить *Тиманта* въ темницу, или покрайней мѣрѣ выслать изъ Государства. *Тимантъ* для меня столько же полезенъ, какъ и ты, отвѣтствовалъ Государь Мини-

стру; ты извѣщаешь меня весьма подробно о его преступленіи, а не говоришь ничего о томъ, что онъ за меня проливалъ кровь свою. И такъ *благоразуміе* и правосудіе сего благодѣтельнаго Государя, болѣе нежели двадцатью проповѣдями изъявляетъ истинную добродѣтель.

Можно ли почесть добродѣтельнымъ того кроткаго и скромнаго *Кира*, который о единомъ токмо самомъ себѣ помышляетъ; Онъ твердитъ

непрестанно о чувствительности и тѣмъ другихъ обольщаетъ; не дѣлаетъ никому добра отъ слабости, и никому также не вредитъ отъ лѣности. Онъ называется честнымъ человѣкомъ; но къ нещастнымъ не оказываетъ ни малой чувствительности и пребывая во всегдашней праздности, будучи чуждъ отъ добра и зла, наслаждается разными забавами? Нѣтъ; я называю симъ именемъ того, который имѣетъ нѣжное и чувстви-

тельное сердце и щедро помогаетъ въ нещастїи своему ближнему. Тебѣ по всѣмъ правамъ принадлежитъ сїе имя, краснорѣчивый *Пелиссонъ*! ты буду и поверженнымъ въ темницу, защищалъ невиннаго *Фукета*. Благодарю тебя Высочайшїй Творецъ мои! что ты по безпредѣльной своей благости даровалъ мнѣ друзей во времена моего злощастїя; друзей великодушныхъ! которые мужественно отражали отъ меня удары и

гнуснаго клеветника, и злобнаго сумазброда, и мерзкаго *Зоила*, и Министра обманутаго своими льстецами, и прочихъ моихъ гонителей надутыхъ гордостїю, кои по надменности своей раздражалися моею независимостїю. Я съ сорокъ лѣтъ былъ гонимъ и притѣсняемъ человѣческою завистїю; одни только добродѣтельные друзья услаждали жизнь мою. Я всегда старался заслуживать ихъ ревность и усердїе, хотя нѣкоторые изъ нихъ и бы-

ли противъ меня неблагодарными; но я никогда таковымъ не былъ.

Нѣкто изъ писателей, * коего изобильный разумъ тщетно многїе вымышлялъ способы, служащїе ко благу

---

* Аббатъ Десен-Пїеръ, который твердя весьма часто въ своихъ сочиненїяхъ о благодѣянїи ввелъ у всѣхъ слово сїе во употребленїе. Его называютъ законодателемъ потому, что онъ во всѣхъ своихъ сочиненїяхъ писалъ о поправленїи гражданскихъ законовъ; во Францїи всѣ надъ нимъ насмѣхались для того, что съ лишкомъ много выхвалялъ добродѣтель.

сего міра и который съ тридцать уже лѣтъ пишетъ для неблагодарныхъ, вымыслилъ слово, *Благодѣяніе*, котораго недоставало на Французскомъ языкѣ; но которое весьма мнѣ нравится; ибо заключаетъ въ себѣ многія добродѣтели. Вамъ малымъ Грамматѣямъ! вамъ великимъ поучителямъ глупыхъ невѣждъ! вамъ взвѣшивающимъ и измѣряющимъ всѣ слова! вамъ выраженіе сего прекраснаго слова покажется можетъ быть дерзкимъ:

однакожъ вымыслъ онаго всему свѣту долженъ быть пріятенъ и всѣ за оное должны быть обязаны вѣчною благодарностію.

